

Историософия Н.Я. Данилевского и проблема значимости русской философии

Полемические споры о том, является ли русская философия значительным или хотя бы самостоятельным явлением в мировой мысли, не сформировали в качестве итога какого-то преобладающего мнения (по причине разнообразия направлений и в силу многих обстоятельств политико-идеологического характера). Пафосность и субъективность характерны для оценок как с «плюсом», так и с «минусом», когда одно крайнее суждение вызывает и поддерживает противоположное. Если, скажем, роль русской мысли для формирования национальной идеи определена и признана (правда, опять же с полярными оценками правоты), то вопрос о ее общем познавательном значении остается открытым. Сохранение конфронтационности свидетельствует также о том, что как объект отечественная мысль зачастую оказывается в контексте постмодернистского мышления, где к истории философии положено относиться как к архиву. Значима главным образом современная философия, почему и «русская философия – отдаленное прошлое и ценна исключительно своей экзотичностью» [20, с. 7]. Отсюда же – установка на процесс историко-философской работы как субъективной интерпретации мелочей и целенаправленного ухода от системного, взвешенного, объективного рассмотрения, что выражается в распространении практики сосредоточения на второстепенных аспектах учений отдельных персоналий. Следовательно, необходимость взвешенной оценки отечественной философии (как до, так и после 1917 года), несущая в себе возможность сопротивления критической мысли всяким монополизирующим истину позициям, актуальна в ситуации аналитическо-постмодернистского вырождения (пост)философии, фактически отказавшейся сегодня от понимания собственного «дискурса», избегающей системного подхода, опирающейся на спекулятивные аргументы релятивистского толка, конструирующей образ псевдореальности, подменяя знание информацией, а информацию – набором математических символов, шумом и т.п.

Позиция скептиков по отношению к наследию отечественной философии сводится к следующим положениям:

1) отсутствие длительной философской традиции (всё мировоззренческое наследие, начиная от «Изборника» и «Слова о законе и благодати» и заканчивая К. Истоминым, объявляется в лучшем случае предфилософией, а последующее академическое богословие (к примеру, Ф. Лопатинского) и философия русского Просвещения – не содержащими ни «грамма» оригинальности);

2) существование в режиме «идейного импорта» в дальнейшем, на протяжении XIX–XX веков, так что свободная от прямого подражания, зависимости и эклектики русская философия вообще не начиналась (даже В.С. Соловьев обвиняется в том, что «не

Тяпин Игорь Никифорович, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

оставил не только законченной системы или хотя бы вполне законченной концепции, но не разработал даже в философском смысле ни одной из основных проблем философии» [19, с. 786]);

3) контекстуальный, «не развернутый» характер решения важнейших для «классической» философии онтологических и гносеологических проблем;

4) фрагментарность идейного влияния русских мыслителей на зарубежную философскую мысль (к числу редких исключений можно отнести фактическое заимствование О. Шпенглером концепции Н.Я. Данилевского, «погружение» в Ф.М. Достоевского, знакомство французских экзистенциалистов с идеями Н.А. Бердяева и других носителей «нового религиозного сознания») и слабый интерес к ней со стороны последней.

С другой стороны, большинство специалистов по русской философии, внимательно и с уважением относящихся к ее наследию (М.А. Маслин, И.И. Евлампиев, В.Л. Обухов, В.Н. Сагатовский, Е.С. Гревцова, В.В. Сербиненко и др.), по сути, видит главное значение русской мысли в разработке методологического подхода, основанного на принципах нестрогой систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты (онтологогносеолого-аксиологического синтеза).

Скажем, В.Л. Обухов, по пунктам сравнивая западную и русскую философскую традиции, называет в числе признаков последней антропоцентричность (обращенность онтологии прежде всего к человеку, социуму, этике, эстетике), поиск истины как основы справедливой жизни (а не бесстрастного теоретического понимания), гносеологический реализм (единство рациональных и иррациональных форм) и др. [13]. В.Н. Сагатовский выделяет: ориентацию на решение (а не просто постановку) проблем, антропокосмизм, аксиологичность (единство духовных ценностей как основы выбора целей и средств деятельности), стремление к целостности (бытия и познания), онтологизацию субъективного (самодостоверность сознания вместе с тем означает его неустранимость) [14]. К этому можно добавить часто встречающиеся утверждения об экзистенциальной ориентации, приоритете жизнесмысловых проблем – любви, счастья, синергизме/синергичности – культивировании идеи соединения энергий, воле, праксиологичности, когда познание уже прямо толкуется как событие бытия, социальном активизме, положительной, основополагающей функции по отношению к идеологии и через нее к обществу и др.

Разумеется, русские философские традиции в ходе истории трансформировались под влиянием внешних воздействий. Но эти посторонние воздействия на русскую философию, ее традиции оказались сложными, диалектичными по своему характеру и последствиям [15].

Так, в X веке в результате крещения Руси русская (пред)философская мысль приобрела статус христианской, дав за следующие несколько сотен лет десятки имен церковных и светских авторов, оставивших сочинения богословского, политического и исторического характера, объединенные нравственным посылом. Становление собственно философской традиции происходит в конце XVII – первой половине XIX века (когда философию начали преподавать в Славяно-греко-латинской академии, а затем русские умы испытали последовательное влияние французской и немецкой философии), но уже в то время русская мысль не просто учится у Западной Европы, но и активно оппонирует ей, «подобно тому, как французские просветители учились у английских и полемизировали с ними, немецкие – у французских и английских, и очень резко, нередко жестко критиковали их, особенно французских деятелей культуры» [12, с. 230]. С последней четверти XIX столетия в русской мысли сосуществовали и боролись как минимум два мощных направления: 1) шедшее за западной культурой, но сохранявшее при этом собственную позицию; 2) создававшее свои оригинальные творения в дружеском или резком противопоставлении с Западом.

В рамках второго направления, начиная от А.С. Хомякова, возникла плеяда деятелей, чьи труды составили ее вершину. Значимость славянофильства как явления в истории русской мысли определяется прежде всего тем, что именно с него принято начинать отсчет существования самостоятельной философии в России. «Творчески переработав европейский мыслительный опыт, славянофилы заложили основы русской национальной философской традиции, в центре которой были идеи целостного знания, духа и жизни, соборности» [9, с. 519]. Высшим же результатом этого движения стала религиозная философия, представленная длинным рядом великих мыслителей во главе с В.С. Соловьевым.

Стоит привести мысль И.И. Евлампиева о том, что в конце XIX – начале XX века русская философия вышла на передний край общеевропейского развития, стала лидирующей традицией в общеевропейском движении к новым формам содержательной философии в связи с продолжающимся наступлением эмпиризма в философии западной, тогда как только в национальной философской традиции сохранилась парадигма подлинной – мистической – философии (исходящей из того, что все самое важное в мире глубоко спрятано от непосредственного опыта и требует развития особых форм постижения, не поддающихся строгой рационализации и систематизации) [6, с. 138]. Добавим, что хотя ее спецификой стали уход от сциентистского, наукообразного аналитического характера, гуманитарность, «образно-синтетическое» видение мира, более напоминающее литературное размышление над смысложизненными проблемами, интуитивизм, прорицательность, тем не менее это была в основном философия доказательная. Не терявшая связи с логикой, здравым смыслом и в своей духовной работе по модернизации мировоззренческой системы исправлявшая недомыслие (по выражению А.Ф. Замалеева) западной философии. Мессианская, но редко утопическая (напротив, выработавшая принципы органического единства морали и права, личности и общества и т.д.). Не принявшая культурно и ментально «догму Гераклита о единстве Логоса (разума) и войны, догму, ставшую «мудростью» диалектики и «перводвигателем» Запада» [18, с. 66]. Убежденная в осуществимости полноты Истины, торжества Добра, возрождения Красоты. Несущая тем самым наряду с познавательной, мировоззренческой, методологической и другими традиционными для философии функциями еще и функцию художественно-эстетической оценки природного и социального бытия.

Тем не менее наличие/отсутствие идейно-концептуального воздействия на мировую (читай – западную) философскую мысль остается для скептиков главным доводом в их «пользу». Именно поэтому необходима систематическая работа историков философии по определению конкретной новизны идей русских философов для своего времени и обобщение этих работ в плане сравнения с наследием зарубежных мыслителей.

В указанном отношении весьма примечательна фигура О. Шпенглера, считающегося одним из столпов так называемого цивилизационного подхода в Западной философии.

В рамках обозначенной проблемы вопрос идейного влияния на представителя «второго поколения» философии жизни некоторых видных фигур славянофильского и охранительного направлений русской мысли, прежде всего Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева (по словам М.А. Емельянова-Лукьянчикова, двух равновеликих «отцов-основателей» цивилизационного подхода в русской науке [7, с. 9]), относится к числу едва ли не загадочных. Дело в том, что здесь мы имеем дело с ситуацией бросающегося в глаза идейного сходства при отсутствии ссылок и прямых документальных подтверждений (сам О. Шпенглер прямо ссылался на Н.М. Карамзина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, К.С. Аксакова, А.М. Горького, П.Н. Милюкова, называл даже В.И. Ленина, но совершенно не упоминал наиболее идейно близких авторов, хотя вполне мог быть знаком с их трудами), что продолжает создавать почву для дискуссий и полемики.

Между тем о явном влиянии первого из крупнейших русских мыслителей-антизападников XIX века на главный труд О. Шпенглера "Der Untergang des Abendlandes" свидетельствует хотя бы следующий тезис Н.Я. Данилевского: «Для коллективного... и все-таки конечного существа – человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме разновременного и разноместного (т.е. разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе» [4, с. 135]. Теория О. Шпенглера о смене культур, частью которой стал взгляд на историю и «дух» России, не сводящийся к восприятию ее самобытности как отсталости и призывам к догоняющей-копирующей модернизации, очевидно продолжает теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, убежденного, что каждая культура имеет свою характеристику развитости, а основная задача каждого культурно-исторического типа – наиболее полная реализация собственной индивидуальности. При этом Шпенглер стал частью едва ли не массового сознания западного общества, в то время как русский мыслитель почти не известен вне постсоветского пространства (а те западные историки философии, кто знаком с теорией Данилевского, пытаются дискредитировать его, искусственно и совершенно неадекватно привязав к социал-дарвинизму и даже фашизму, на что обращает внимание В.А. Гуторов [2]).

По нашему мнению, отсутствие у О. Шпенглера прямых ссылок на Н.Я. Данилевского как раз и доказывает значительный масштаб этого влияния, поскольку главный принцип работы с источниками для представителя второго поколения «философии жизни» состоял очевидно в том, чтобы сослаться на того или иного автора по частным, вспомогательным вопросам, но не сослаться при обращении к центральным идеям [17]. По сути, О. Шпенглер попытался синтезировать главнейший тезис Н.Я. Данилевского о молодости русского культурно-исторического типа с постулатами К.Н. Леонтьева о восточно-византийских основах России как государства и культуры, негативном характере западного культурного влияния (по крайней мере во второй половине XIX века), недостаточной результативности российской культурно-государственной жизни.

Н.Я. Данилевский за полвека (!) до О. Шпенглера писал, что каждая культура как организм проходит все стадии развития – от рождения до распада, и подчеркивал, что применить к ним единую хронологию – Древний мир, Средние века, Новое время – невозможно, ибо у любой культуры есть свой Древний мир, свои Средние века и свое Новое время. Русский мыслитель утверждал, что Запад уже прошел период своего «культурного цветения» и находится на спаде, хотя терминологически и не выделял, как немецкий философ, в исторической динамике культуру и цивилизацию. Россию же, как пишет А.С. Маджаров, Данилевский считал более молодым историко-культурным типом, полагал, что она моложе Европы на «четыре столетия» [11, с. 51], далека от перехода к цивилизации и, соответственно, делал выводы о наличии у нее долгосрочного перспективного будущего.

Н.Я. Данилевский не просто положил начало самобытной русской историософии. Его теория, совмещающая в своей трактовке истории натуралистически-позитивистский и религиозно-идеалистический, провиденциалистский подходы [10, с. 352], опередила свое время, стала принципиально новым явлением не только для России, но и для Европы. Как пишет, к примеру, М.С. Тимофеев, Данилевский «предложил, по сути, новое деление истории по типам организации вместо обычного и традиционного ее деления по ступеням развития. Такое деление допускалось философом только внутри отдельного культурно-исторического типа» [16, с. 127]. В свою очередь, Б.Г. Дверницкий отмечает, что «несомненно, новыми в науке и философии следует считать введенные Данилевским понятия об искусственных и естественных системах, а также о законах-рецептах и подлинных законах» [5, с. 284].

При этом теория культурно-исторических типов была примером именно историософии, то есть такого типа философии истории, при котором определяется смысл истории

и выделяются метафизические факторы общественно-исторического процесса. Элементы позитивизма в методологии Н.Я. Данилевского не сочетались, а скорее смешивались с романтико-теологическим видением истории. Будучи, по сути, православным мыслителем и рациональным противником дарвинизма (верно увидевшим его идеологическую сущность – стремление «изгнать Бога» из всех сфер человеческой теории и практики, а также социокультурные истоки, в частности популярность в британской идеологии (Т. Гоббс, А. Смит и др.) идеи «войны всех против всех» [3]), Данилевский признавал «разумность мироправления», искал «идеальные причины» [8, с. 14].

Наследие Н.Я. Данилевского актуально и в социально-этическом отношении в связи с проблемой национального единства и социальной справедливости. Релятивизм ценностей, нигилизм (пост)современности отчасти характеризовал и ряд предыдущих эпох, в частности конец Нового времени. Однако тогда философы смогли противопоставить хаосу антиморали проверенные временем императивы. Н.Я. Данилевский, как отмечает А.В. Буренков, считал, что нигилизм в России – чисто западное явление, пришедшее к нам с интеллигенцией и внесшее разрушающее действие в единство народа и государства [1, с. 86]. Решение проблемы он видел в практической реализации православной этики, когда власть своими законами, пропагандой и другими мерами ограничит экономическое расслоение и на Русской земле пробьется «новый ключ» справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства.

Таким образом, сохранение национально-цивилизационной специфики философии в России требует понимания того значимого и великого, что есть в истории ее различных периодов, определение ее общемирового значения, пусть и не(до)оцененного «мировым сообществом». В условиях окончательного превращения западной философии (избавившейся от «репрессивного» наследия классики) в инструмент поддержки и (псевдо)обоснования разнообразных, но по существу взаимодополняющих суицидных (для человека, общества и культуры в их традиционном понимании) доктрин (трансгуманизма, гендерологии, глобализма и др.) важнейшим делом национально ориентированной философии в современной России становится осуществление критического анализа последних и использование мировоззренческо-методологического потенциала для построения адекватных концепций человека, общественного устройства и (в условиях, когда сфера этического ввергнута в состояние неопределенности и непредсказуемости, трансформирована в манипулятивную технологию) социальной этики. Среди них одно из главных мест должна занять историософия Н.Я. Данилевского, развивающая идею многообразия цивилизаций, обосновывающая смысл человеческой истории как развертывания всех потенциальных возможностей человеческого духа на принципах общественного единства и социальной справедливости. Конечный результат историко-философской работы видится в создании объективной и целостной истории достижений отечественной мысли как не только прошедшего, но и продолжающегося явления философской культуры.

Литература

1. Буренков А.В. К вопросу о национальной идеологии // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия: Философия. 2017. № 2 (24). С. 81–87.
2. Гуторов В.А. Наследие Н.Я. Данилевского в свете современных FASCIST STUDIES // Вестник РХГА. 2019. Т. 20. № 4. С. 307–312.
3. Данилевский Н.Я. Дарвинизм: Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015. 975 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014. 592 с.
5. Дверницкий Б.Г. Н.Я. Данилевский – основоположник русской историософии // Вестник РХГА. 2019. Т. 20. № 4. С. 283–290.
6. Евлампиев И.И. Историческое значение русской философии // Вече. 2015. № 27-1. С. 131–143.
7. Емельянов-Лукьянчиков М.А. Концепция исторического развития в наследии русских и европейских

- основателей цивилизационного подхода: дис. ... канд. ист. наук / 07.00.02. М., 2006. 271 с.
8. *Кашин В.В.* Историсофия Н.Я. Данилевского // Вестник Оренбургского государственного педагогического ун-та. 2004. № 1 (35). С. 10–15.
 9. *Кошарный В.П.* Творческое наследие А.С. Хомякова и феномен национальной философии // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сборник статей. М., 2007. Т. 1. С. 519–524.
 10. *Кузнецов Ю.В.* Исторические судьбы России в учении Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах // Вестник Мурманского государственного технического ун-та. 2011. Т. 14. № 2. С. 347–352.
 11. *Маджаров А.С.* Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер о соотношении России и Европы как культурно-исторических типов // Известия Иркутского государственного ун-та. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 47–52.
 12. *Меньшиков В.М., Гатилова Н.Н., Хохлова А.Б.* РОССИЯ... Возвращение к своей культуре // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2013. № 4 (19). С. 223–234.
 13. *Обухов В.Л.* Место русской философии в мировой философии // Вестник Ленинградского государственного ун-та имени А.С. Пушкина. 2016. № 3. С. 80–88.
 14. *Сагатовский В.Н.* Есть ли будущее у русской философии? // Вестник РХГА. 2009. Т. 10. Вып. 1. С. 121–132.
 15. *Сухов А.Д.* Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. М.: ИФ РАН, 1995. 157 с.
 16. *Тимофеев М.С.* Н.Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного Российского государства // Вестник Российского ун-та кооперации. 2015. № 3 (21). С. 125–129.
 17. *Тяпин И.Н.* Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера (в контексте влияния Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева) // Философский полилог. 2019. № 2. С. 37–45.
 18. *Шулевский Н.Б.* Софиасофия – современное бытие спасения // Философия хозяйства. 2015. № 6. С. 63–78.
 19. *Яковенко Б.В.* Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. 976 с.
 20. *Яковлев А.А.* Претворение традиции // Путь. 1992. № 1. С. 3–8.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению историсофской концепции Н.Я. Данилевского в контексте результатов и перспектив исследования истории русской философии. Обосновывается тезис о значимости отечественной мысли, разработавшей в XIX – начале XX века методологический подход, основанный на принципах нестрогой систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты. На примере сопоставления философско-исторических взглядов Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера ставится проблема недостаточной исследованности скрытого влияния русской мысли на западную философию неклассического периода. Формулируется авторское видение целей и результатов дальнейшей исследовательской работы сообщества историков русской философии в условиях глубокого кризиса современной западной философии, имеющей не только теоретическую, но и практическую направленность, связанную с актуализацией наследия русской мысли в деле противодействия распространению деструктивных псевдорациональных доктрин.

Ключевые слова: русская философия, кризис западной философии, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, постмодернизм, историсофия, концептуально-методологический потенциал.

Igor N. Tyapin, Doctor in Philosophy, PhD in History, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Vologda State University. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

N.Ya. Danilevsky's Historiosophy and the Problem of the Significance of Russian Philosophy

Abstract. The article is devoted to the understanding of N.Ya. Danilevsky's historiosophical concept in the context of the results and prospects of researching the history of Russian philosophy. The article substantiates the thesis about the significance of Russian thought, which developed in the 19th – early 20th century the methodological approach based on the principles of lax systematization, rejection of extremes and content completeness. The author brings forward the problem of insufficient research into the hidden influence of Russian thought on Western philosophy of the non-classical period by comparing the philosophical and historical views of N.Ya. Danilevsky and O. Spengler. The author states his vision of the goals and results of further research work of the community of Russian philosophy historians in the context of the deep crisis of modern Western philosophy, which has not only theoretical, but also practical orientation, associated with the actualization of the heritage of Russian thought in resistance to the spread of destructive pseudo-rational doctrines.

Keywords: Russian Philosophy, Western Philosophy Crisis, N.Ya. Danilevsky, O. Spengler, Postmodernism, Historiosophy, Conceptual and Methodological Potential.

Данилевский: свой среди своих?

{ Раздел второй }

М.В. Медоваров
Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов

Е.Н. Мощелков
Циклизм как стержневая идея русской мысли второй половины XIX – начала XX века

С.Н. Пушкин
Развитие консервативных славянофильских тенденций в творчестве Н.Я. Данилевского

А.Б. Панченко
Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход от Н.Я. Данилевского до В.И. Ламанского

Е.В. Перевалова
Участие Н.Я. Данилевского в изданиях М.Н. Каткова в 1880-х годах

А.А. Тесля
«Славянофилы» в народнической перспективе: интерпретация славянофильства 1840–1880-х годов в публицистике Н.К. Михайловского

В.Ю. Даренский
Агональный принцип русского самосознания в концепции М.О. Кояловича

Д.А. Бадалян
«Немецкие партии» в русской науке XIX столетия

